

Чистяков Антонин Федорович

Боровичи

Здесь человек до первых грамот
Пещерный свод крепил сосной.
Ему зарю последний мамонт
Трубил в бору над быстрой Мстой.

Рубили дом боровичане
Высок в светелке и в сенцах.
Венцами гулкими венчали
Дом о шестнадцати венцах.

С холма во Мсту - метелью стружки.
Суля бессмертие в миру,
Не молкли щедрые кукушки
В резьбе на окнах и в бору.

Боры - для плотника обитель.
Он не щадил святыни те.
И, помогая строить Питер,
Свои боры сплавлял по Мсте.

Через ревущие пороги
Их вел отпетый парень-хват.
Круты валдайские отроги,
И город нравом крутоват.

Когда, хвоей осыпав кручи,
Он вырубил последний бор,
Из-под корней его могучих
Истоки взял огнеупор.

Успел одеть огнеупором.
На всю округу - белый свет...
А утверждают, будто город
Живет на свете двести лет.

Сушилово

Ах, сколько деревень у нас в России
Глядит с холмов и круч береговых!
Люблю я все деревни,

Все красивы,
Но вот тоскую по одной из них.

За то, что на сухом, высоком месте
Построилась она меж трех болот,
Уже давно,
Наверное лет двести,
Зовет ее Сушиловом народ.

Она не щедро подавала нищим:
Скупа была кормилица-земля.
И здесь под перелатанною крышей
Однажды осенью родился я...

Ступил я за порог, и мне впервые
Она своей открылась красотой:
Вошел я в лен, и лепестки льняные
Сомкнулись, словно небо, надо мной.

Я рос счастливым, как и все мальчишки.
Я приносил с ватагою друзей
Из ельника чешуйчатые шишки,
С озера - золотистых карасей...

Потом я печь нетопленную помню...
Да зеркало, закрытое холстом,
Да в сумерках холодную часовню,
Да комковатый холмик под крестом,

Да под осенним небом говор горький
Про чье-то сирое житье-бытье...
Так укатилось обручем под горку
Мальчишество вихрастое мое...

В отъезде жил я далеко и близко.
Немало перевидел городов.
Менялась постоянная прописка,
И истекали сроки паспортов...

И вот вдали - знакомые деревья,
Рассвет и дым над каждою избой.
Сушилово,
Родимая деревня!
Прими как сына,
Я опять с тобой.

Ждала меня, надеялась - вернусь я
На лоно голубого волокна,
И вот твои луга звенят, как гусли,
Под струнами разостланного льна.

В студеных росах возле ног струится
И свет и крепь твоих завидных льнов...
Давно слышал я:
Дважды лен рождается.
Мне кажется -
И я родился вновь.

О, дочь-кровинка! По житейским вехам
Да будет честным твой нелегкий путь!
В невзгодах оставайся человеком
И в передрягах мужественной будь.

Взметнись костром, чтобы друзьям согреться,
Когда в неравной схватке упаду,
В последний миг швырнув гранатой сердце
В бездушие, в недоверье, в клевету.

Будь солнцем, а его не запятнают.
Я не вернусь – и нет моей вины.
Запомни, дочь, отцы не умирают,
Когда не возвращаются с войны.

Вале

То со звоном и блеском, то с грустью
Льется к синему Ильмену Мста,
От истока до самого устья,
Словно совесть людская чиста.

Полноводная с радужных ливней,
Покидая озерко Мстино,
Белоснежными чашами лилий
Пьет зари золотое вино.

Не удержишь.
Хмельная от солнца,
Камни сдвинув, через порог
Бурей к счастью она несется,
Рушит все, что встает поперек...

Так и ты пронесла свою юность
По житейским порогам крутым.
Мы любви, что пришла к нам в июне,
Никому замутить не дадим.

Шире нашей тесной комнатухи
В горжилуправлении столы.

За три года куклы да игрушки
Заселили все её углы.

За день поиграет ими каждый
Из босых дочуркиных друзей
Каждый день у нас для юных граждан -
День открытых широко дверей.

Нашумят, ковер собьют, насорят,
Со двора натащат всякий лом.
Только никогда семейным ссорам
Мы жилплощадь нашу не сдаем.

Пусть мало окошечко и дверца
Нам с тобою только по весок.
Но зато здесь близко сердце к сердцу
И у чувств высокий потолок.

Осень

Октябрь - огневолосый парень
Пришел с колхозного гумна,
Насыпал золота в амбаре,
Прибив дощечку «Семена».

Потом, довольный и счастливый,
Вершил садовые дела.
И встали яблони и сливы
Полукольцом вокруг села.

И в первый раз в рожок пастуший
Не проиграл он на заре.
Наполнив сеном все кормушки,
Коров оставил на дворе.

Тресту льняную сдал он тресту,
Зерно развез по трудодням.
Затем он взялся повсеместно
За установку зимних рам.

И, облысев, в свой день преклонный
Ушел от нас по желтизне.
Оставил озимь лишь зеленой,
Чтоб не забыли о весне.

Сердца солдатские

Трудно против каленых ветров
В наступленье идти, на смерть,
С боем брать пятьсот километров
И ни разу не умереть.

С долгим стоном валились деревья,
Желтым прахом в глаза пыля,
Остро пахла древнею Тверью
Развороченная земля.

Одевались пламенем дали,
И сердца нам захлестывал гнев -
Там за рванью колючей стали
В муках - Старица,
В пепле - Ржев.

О колючки шинели поролись,
Огрызались враги впереди
И ловили в прицельную прорезь
Наши пуговики на груди.

Зеленел небосвод от угара,
И от крови вздувалась Тверца.
Под огнем по земному шару
Гулко били наши сердца.

Мы вставали, чтоб линию фронта,
Отбивая за пядью пядь,
Вновь за линию горизонта
С трудным боем отодвигать.

Руки

Обременяться знаками различий
Я в годы фронтовые не спешил.
Погоны снял -
Ни звездочек,
Ни лычек.
Лишь руки -
В лиловатых лычках жил.

Что ни предскажут по рукам гадалки,
Не обделен мой древний род судьбой.
На них чертою -
Бой на речке Калке,
Другой чертой -
Чудской ледовый бой.

Не им надгробным стал Вороний Камень,
Не им Воронья каркала гора...
И над стропилами они сверкали
Не камнем перстня -
Гранью топора.

Их уравнили рукоятки плуга,
И не слабее левая рука:
Нет ничего надежней их для друга,
Нет ничего страшнее для врага:
Порукой в этом - клинопись ранений.
А сверстник мой пришел с войны без рук.
В сравненье с ним...
Да что тут все сравненья!
В сравненье с ним
Нет у меня заслуг!

Труба

Качнулся дом.
Воронки зачಾದили.
На крыше,
Что ребриста и ряба,
Со всех сторон -
Опасны все четыре -
Мне лишь одно укрытие -
Труба.

Разрыв шрапнели в небе -
Ватой бурой.
Теперь - ни шагу вниз от рубежа,
Где окна превратились в амбразуры
И в трещинах четыре этажа.

Под ребра кровли
В тес вошли осколки, -
И стало жутко на ее горбу:
Вошли бы мне под ребра,
Если б только

Мгновенно
Не укрылся за трубу.

Дистанция до сердца все короче,
И пот холодный капает со лба,
И чувствую:
Вдали
Нацист наводчик,
Злорадствуя,
Картавит:
«Р-рус тр-руба!»

Кирпич то щебнем,
То колючей крупкой.
Правей...
Левее рвется высота.
Кручусь с биноклем,
С телефонной трубкой
Вокруг четырехгранного щита.

Кручусь,
Кричу в охрипший диск мембраны
Над полем,
Где столбы земли густы.
И, в горячах не ощущая раны,
Веду огонь
Со смертной высоты...

Обстрел закончится еще не скоро,
И быть на высоте -
Моя судьба.
И я держусь прочней огнеупора.
На скаты крыши
Крошится труба.

Пайка
Она - с брусок.
Муку ледовой ниткой
Везли всю ночь,
Как порох,
Под чехлом
По адресу,
Где длинный ствол зенитки
Прикрыл хлебозавод
С печным огнем.

Прикрыл,
Чтоб не сожгло внезапно небо
Блокадный хлеб,
Что с привкусом земли.
И не забыл я вкус той пайки хлеба,
В которой мне осколок принесли.

Осколок тот,
Когда гостей встречаю,
Как драгоценность,
Ходит по рукам...
Металлу я
И хлебу
Цену знаю,
И помню я,
Чему равнялся грамм.

Рвусь в луга,
Где в пору их прилива,
Помню,
До бровей входил в траву,
Где отец брал за уши шутливо,
Обещая показать Москву.

Приходил отец с косою мокрой,
И бросалось сразу мне в глаза -
По его одежде с каждой зорькой
Выше подымается роса...

Мне в лицо асфальт московский дышит,
Обняла высокая Москва.
Кто бы взял
Да приподнял повыше,
Чтоб увидеть,
Как растет трава.

О, не черни карандашом бровей
И не гаси в лице своем веснушек:
В них что-то от ромашковых опушек,
От света колосющихся полей,

От солнечного вешнего разлива...
Не погаси себя в глазах любви.
Рисуясь в них и броско и красиво,
Их зрения - не оскорби.

Придет любовь –
Нет краше доли...
Прощает все:
На том стоит.
И лишь в своем пречистом доме
Она соринки не простит.

Она не требует гарантий.
Она гарантий не дает.

Уйдет любовь -
Себя карайте,
Не предъявляйте
Поздний счет.

Два Федора

Памяти
моего отца
Чистякова
Федора Петровича,
связиста 781-го арtpолка

Сын в отца -
Отцовская удача.
Первенцем гордясь,
Сказала мать:
«Потому малыш так много плачет,
Чтоб мужчиной слез не показать».

Именем отца его назвала.
За отцом в лугах он бегал бос.
А Европа в каске к нам шагала -
В край, где Федор Федорович рос.

Яркие соцветья луговые
Теплый полуденный дождь гасил,
И за свой крестьянский век впервые
У речушки луг не докосил.

Был закат красней и громче меди.
Стыли реки,
Полные свинца.
«За меня ты остаешься, Федя...
Ну, а если...
Не забудь отца».

Лесом взрывов шел отец недолго.
Стали алыми его следы.
Чтоб увидеть сына,
Глянул в Волгу:
Сын с отцом -
Две капельки воды.

Штаб на извещение о смерти
Ставил треугольную печать...
И пришла такая боль в конверте -
Никогда б тех строчек не читать!

Слез не показал.
От Волги Федор

Путь прошел
Отцовский
До конца,
Пот отер,
Взглянул в спокойный Одер -
И живого увидел отца.

Мать

Совсем стара.
Куда теперь ей деться?
В дом престарелых?
Со стыда сгорит.
Трех сыновей носившая под сердцем,
С каким теплом о каждом говорит.

Пора и к сыновьям - куда же больше?
Пока жива...
А там пристроит бог...
Идет старуха в город через пожни
С мешком сушеных ягод и грибов.

К меньшому прежде.
Как там самый малый?
С пеленок хвор был-
Бросил бы курить!
Навстречу ей раскинул руки:
- Мама! -
И двери не успели затворить,

Запричитала:
- Ах ты грех великий!
Едва доклюкала - совсем слаба...
И родинки,
Что пятна от черники,
Разгладила,
Стирая пот со лба.

Как рад ей сын!
Черпнул малины горстью,
Сажает на тахту,
Спихнув кота,
Поит он чаем дорогую гостью.
А поутру:

-Теперь-то, мать, куда?..

С одышкой в гору к среднему старуха –
Проведать,
Поздорову ли сынок.
-Останься, ма... -
И не хватило духа,
Краснея, проглотил последний слог.

И встала сватья на посту у зыбки.
И гостья-мать слезу превозмогла.
Сноха на кухне, не гася улыбки,
Отрезала в дорогу пирога...

И с мягким липким пирогом в кармане –
На станцию.
И дальний взят билет.
И через день ее в сыром тумане
Среди немых камней застал рассвет.

Вот и нашла хоромину сыновью.
Так что ж он не зовет к себе домой,
И не целует в родинку над бровью,
И не берет на радостях гармонь?

Под обелиском старший...
Рад ли маме?
Сползает влажный на глаза платок.
Руками обняла холодный камень,
И вырвалось:
- Возьми меня, Сынок!..

Совсем слаба,
Куда теперь ей деться?
В дом престарелых?
Со стыда сгорит.
Трех сыновей носившая под сердцем,
С каким теплом
О каждом
Говорит!

Ох уж эти о бессмертье речи!..
Философской мудростью слепя,
Поучаешь,
Как увековечить
На планете самого себя.
Вечность - это не моя забота,
Потому что твердо знаю я:
Вечна только на земле работа
И сама родящая земля.
Борозда без нас пройдет веками,
Будет хлеб давать,
И вечен ты,
Если ты извечный мертвый камень
Выбросил из этой борозды.

Памятник тысячелетию России

Где уносит в вечность храм Софии
Голубя литого на кресте,
В честь тысячелетия России
Встал он на гранитной высоте.

Родину свою увековечив,
Вдохновенный скульптор здесь собрал
Делегатов от веков на вече
На высокий круглый пьедестал.

Надвигались испытанья грозно.
Лязгал танками двадцатый век...
И стонал под сброшенной бронзой
Почерневший новгородский снег.

Бронзовых топтали их в бессилье,
Пятили к погрузке кузова...
Но стояла твердо мать-Россия,
Шла на помощь стольная Москва.

Гром орудий с Волхова до Шпрее
Плыл, как вечевой набатный звон.
Нет, Россию никому трофеем
На позор не увезти в полон...

Бронзовая Русь сияет снова.
Памятнику вечно здесь стоять.
Меч в ножнах у Дмитрия Донского.
Белый голубь сел на рукоять.

Прадед

С востока склевывая звезды,
Горланил во дворе петух.
И звонкий рупор из бересты
Включал на улице пастух.

Мой прадед шел за огороды
До каменистой полосы,
И зря манила гроздь смороды
В румяных искорках росы.

Черносмородную окрестность
Он проходил до взгорья вплоть,
Чтоб там ножом сохи отрезать
Подзола черствого ломоть.

Весь день ворочал, словно трактор,
Ходил со свитою грачей.
Глаза черны, но в них - не траур,
А отблеск вспаханных полей.

С сохою шел за Сивкой борзым,
Уставясь в борозду под нож.
И, шелестя аршинным ворсом,
В его глазах качалась рожь.

До горизонта отступала
Кремнистая гряда межи.
За острым клинышком орала
Он видел клин тяжелой ржи.

Пуды - другим,
а сам - с фунтами.
И обувь плел он, а не шил...
Он золото свое в фундамент
России нынешней вложил.

Колокола

На шапке - мороз январский.
Как шрам, под ногами - тропа.
А сзади - немецкие каски –
Железные черепа.

Гестаповец льстиво встретил:
- Показывай чудо литья. –
Старик новгородец ответил:
- Не выдам колокол я.

Потомкам на диво и радость
Обвили его мастера
Пудовой лозой винограда
Из меди и серебра.

Надежно мой Новгород вольный
Укрыл знаменитую медь.
Не будет металл колокольный
В подсумках германских звенеть.

Соборными били ключами,
И кровь по морщинам текла,
В своем тайнике молчали
Стозвонные колокола.

Чтоб минуть вагранки вражьи,
Они от великой беды
На дно опускались с баржи
И в рот набирали воды...

А в полночь над бором Перуна
Взорвался покров тишины,
И лопнули сосны, как струны,
Задетые вихрем войны.

Осколки уральской стали
Ударились о купола.
На волховском дне зазвучали
Стозвонные колокола.

Родословная

Сказали зря, что я не местный,
Что краю этому не свой.
По родословной битв известно -
Я новгородский и тверской,

Московский я и волгоградский...
Под Ленинградом брат погиб.
Есть кровь моя в могиле братской,
В корнях цветущих трав и лип.

И мой отец прошел немало
Земель пылающей страны,
И в клеверах смоленских алых
Она струится с дней войны.

Прапрадед мой с полком стрелковым
Громаду Альп рассек штыком.
Мой пращур был правофланговым
В побоище на льду чудском.

И с той години род наш русский
Не уронил ни разу честь.
В земле смоленской, псковской, курской
Есть капля нашей крови, есть.

Всей родословной утверждаю:
По всей стране вокруг Кремля
Земля нигде мне не чужая,
Повсюду кровная земля.

яблони, как вазы,
Наполненные спелой красотой

И зима - седая пряжа -

Здесь Ленин -
Не проездом,
А протестом
Любому,
Кто проездом
На земле.

И ловили в прицельную прорезь
Наши пуговики на груди.

Как шрам, под ногами - тропа.
А сзади - немецкие каски –
Железные черепа

Где тесно так,
Что негде лечь зерну.

Остро пахла древнею Тверью
Развороченная земля.

Он полз в шинели по-пластунски,
Полз через минные поля,
И пуговики на ней не тускли:
Земля их драила,
Земля.

... Мне памятной всех звезд
Звезда,
Что светится на пряжке
От взятых по-пластунски верст.

Сушилово

Вошел я в лен, и лепестки льняные
Сомкнулись, словно небо, надо мной.

И вот твои луга звенят, как гусли,
Под струнами разостланного льна.

В студеных росах возле ног струится
И свет и крепь твоих завидных льнов...
Давно слышал я:
Дважды лен рождается.
Мне кажется -
И я родился вновь.

О своем поколении...

Закончило,
Испытанное сталью,
Сначала с Золотой Звездой
Войну,
А после - школу

с золотой медалью.

Мой добрый врач

О нет!

Пока я в мире,
не в морге,
Мой добрый доктор,
Пожелай тревог!

Извелся:

Вокруг земля-сердяга
Под асфальтом,
Каково-то ей!

Луч

Блестела сетка койки,
Что кольчуга,
Ромашками войны освещена...

Любовь жила
И первой разорвала
Своим лучом
Блокадное кольцо.

Тюльпаны

Краснели тюльпаны
Под синью стекла.
Стекала заря в них...

И кровь у воронки
В тюльпаны текла.

Тюльпаны!
-Не надо!..
Не надо!.. -
Боюсь, наклоню их -
Вдруг землю зальют.

Кронштадт

Здесь самые бывалые кронштадцы-
Петровские дубы и тополя.

Здесь якоря могучи,

Как деревья,
Здесь все деревья
Словно якоря.

Деревня

Деревне очередь настала
Переезжать под облака.

Многоэтажный запах хлеба
Дробится в дождевой пыли...
Деревня, поднятая к небу,
Не оторвалась от земли.

Рост

Рядом с длинным номером винтовки
Рост записан был - нестроевой.

Я в строю
В блокадном Ленинграде
На блокадном хлебе выростал.

Так вот и дорос
До строевого,
До штыка до своего дорос.

Руки

Ни звездочек,
Ни лычек.
Лишь руки -
В лиловатых лычках жил.

Порукой в этом - клинопись ранений.
А сверстник мой пришел с войны без рук.

Не вернулся.

Не вернулся.
На письме последнем
Вместо штемпелей
Отметки пуль...
Но любовь солдатская
Посмертно
Продолжала на земле свой путь...

И в свой срок
Под накипь белых вишен
На ее заветную скамью
В парк приходят сыновья погибших,
Дочери подкошенных в бою.

Здесь, как прежде, в уголке укромном
Ветками завешена скамья,
И поет им радиоприемник
На коленях - вместо соловья.

Здесь любовь
Отцовскими глазами
Смотрит в мир,
Собою тлен поправ,
Чистая,
Как полковое знамя,
Строгая,
Как воинский устав.

Комфорт комфорту- рознь.
Теперь нам
Поддай на том-то этаже...
Не на втором и не на первом –
Мы жили
Ниже -
В блиндаже.

И хоть касались боком бока
И лишь два шага в ширину,
Мы все благодарили бога –
Богатырева,
Старшину.

И яства яствам - рознь.
Лишь пули
Да гильзы желтые вокруг,
А мы у Ладogi,
Ликуя,
Из снега выгребали лук.

Дробили мы,

На льду сбив ногу,
Вкуснейшим хрустом тишину.
И все благодарили бога -
Богатырева,
Старшину.

И мода моде - рознь.
Привычно
Теперь все узкое...
И мне
Заря с ефрейторскую лычку
Казалась в навесном огне.

Обмотки серы, как дорога.
Прошли в них не одну страну.
И все благодарили бога –
Богатырева,
Старшину.

Осень

Октябрь - огневолосый парень
Пришел с колхозного гумна,
Насыпал золота в амбаре,
Прибив досщечку «Семена».

Потом, довольный и счастливый,
Вершил садовые дела.
И встали яблони и сливы
Полукольцом вокруг села.

И в первый раз в рожок пастуший
Не проиграл он на заре.
Наполнив сеном все кормушки,
Коров оставил на дворе.

Тресту льняную сдал он тресту,
Зерно развез по трудодням.
Затем он взялся повсеместно
За установку зимних рам.

И, облысев, в свой день преклонный
Ушел от нас по желтизне.
Оставил озимь лишь зеленой,
Чтоб не забыли о весне.

Сердца солдатские

Трудно против каленых ветров
В наступленье идти, на смерть,
С боем брать пятьсот километров
И ни разу не умереть.

С долгим стоном валились деревья,
Желтым прахом в глаза пыля,
Остро пахла древнею Тверью
Развороченная земля.

Одевались пламенем дали,
И сердца нам захлестывал гнев -
Там за рванью колючей стали
В муках - Старица,
В пепле - Ржев.

О колючки шинели поролись,
Огрызались враги впереди
И ловили в прицельную прорезь
Наши пуговики на груди.

Зеленел небосвод от угара,
И от крови вздувалась Тверца.
Под огнем по земному шару
Гулко били наши сердца.

Мы вставали, чтоб линию фронта,
Отбивая за пядью пядь,
Вновь за линию горизонта
С трудным боем отодвигать.

Рост

Помню,
В строй я встал
Без подготовки,
И в солдатской книжке старшиной
Рядом с длинным номером винтовки
Рост записан был - нестроевой.

Помню
Боевой свой первый выстрел,
Амбразуру с видом на Неву...
Первый раз
С песком
Винтовку чистил -
Да простят за давностью вину.

Тот песок засел в прицельной рамке,
Раскаленный взрывом добела...
Ниже всех был с ней
На левом фланге,
Равною другим
Она была.

Над виском сходясь,
Синели грани.
Опираясь на ее металл,
Я в строю
В блокадном Ленинграде
На блокадном хлебе выросстал.

На цевье
До блеска огневого
Насветлил рукой
Зарю полос...
Так вот и дорос
До строевого,
До штыка до своего дорос.

Руки

Обременяться знаками различий
Я в годы фронтовые не спешил.
Погоны снял -
Ни звездочек,
Ни лычек.
Лишь руки -
В лиловатых лычках жил.

Что ни предскажут по рукам гадалки,
Не обделен мой древний род судьбой.
На них чертою -
Бой на речке Калке,
Другой чертой -

Чудской ледовый бой.

Не им надгробным стал Вороний Камень,
Не им Воронья каркала гора...
И над стропилами они сверкали
Не камнем перстня -
Гранью топора.

Их уравнили рукоятки плуга,
И не слабее левая рука:
Нет ничего надежней их для друга,
Нет ничего страшнее для врага:
Порукой в этом - клинопись ранений.
А сверстник мой пришел с войны без рук.
В сравненье с ним...
Да что тут все сравненья!
В сравненье с ним
Нет у меня заслуг!

Труба

Качнулся дом.
Воронки зачалили.
На крыше,
Что ребриста и ряба,
Со всех сторон -
Опасны все четыре -
Мне лишь одно укрытие -
Труба.

Разрыв шрапнели в небе -
Ватой бурой.
Теперь - ни шагу вниз от рубежа,
Где окна превратились в амбразуры
И в трещинах четыре этажа.

Под ребра кровли
В тес вошли осколки, -
И стало жутко на ее горбу:
Вошли бы мне под ребра,
Если б только
Мгновенно
Не укрылся за трубу.

Дистанция до сердца все короче,
И пот холодный капает со лба,

И чувствую:
Вдали
Нацист наводчик,
Злорадствуя,
Картавит:
«Р-рус тр-руба!»

Кирпич то щебнем,
То колючей крупкой.
Правей...
Левее рвется высота.
Кручусь с биноклем,
С телефонной трубкой
Вокруг четырехгранного щита.

Кручусь,
Кричу в охрипший диск мембраны
Над полем,
Где столбы земли густы.
И, в горячах не ощущая раны,
Веду огонь
Со смертной высоты...

Обстрел закончится еще не скоро,
И быть на высоте -
Моя судьба.
И я держусь прочней огнеупора.
На скаты крыши
Крошится труба.

Пайка
Она - с брусочек.
Муку ледовой ниткой
Везли всю ночь,
Как порох,
Под чехлом
По адресу,
Где длинный ствол зенитки
Прикрыл хлебозавод
С печным огнем.

Прикрыл,
Чтоб не сожгло внезапно небо
Блокадный хлеб,
Что с привкусом земли.

И не забыл я вкус той пайки хлеба,
В которой мне осколок принесли.

Осколок тот,
Когда гостей встречаю,
Как драгоценность,
Ходит по рукам...
Металлу я
И хлебу
Цену знаю,
И помню я,
Чему равнялся грамм.

Под Вечным огнем

Памяти братьев:
Коли Ефимова
Васи Ефимова
Яши Ефимова
Яши Никитина
Жени Туманова
Вовы Шульгина
Юры Яковлева

Мне полюсом Печали -
Пискаревка.
Гранита нива.
Тяжела она.
Кладу цветы на каменную бровку.
А в сердце Пискаревка -
Не одна...

От берегов Невы
До Прикарпатья,
Чуть ниже колосющихся полей,
Лежат мои двоюродные братья
В полях под сенью
Каменных аллей.

Семь чаш огня –
Их вечное созвездье.
Все семеро
Остались под огнем
На этой братской линии бессмертья,
На отчем полушарии своем.

Все семеро
Навечно опочили

За отчий кров
И млечный свет росы.
За долгий взлет
От пасечно-пчелиной
До ядерно-космической Руси...

Ах, сколько полчищ
Нам бросало вызов!
И, видимо, угодно так судьбе,
Страна растила
В многолетних избах
Своих солдат
В плечах под стать себе.

Им пятистенки новые рубила
Крестьянская семья не для войны,
А для любви - под самые стропила,
И света в окнах - на три стороны.

Но женихов не дождалась светелки.
Гранит
Над холостыми
Да цветы.
И все их нерожденные потомки
Навечно –
По ту сторону плиты...

Хватило нас
На семь полей гранита,
Где тесно так,
Что негде лечь зерну.
Гранитных нив
Довольно нам,
Пусть жито
За ними занимает целину!

Окно в Европу...
Ночь луну включала,
И до глубокой полночи волна
Луну растягивала на горбу,
Качала, -
И все ж была Европа не видна...

Здесь светоносцем-крейсером
С причала
Тьма коронованная
Сметена...
Не раз Европа так в окно стучала,
Что стекла вылетали из окна...

В широких переплетах из гранита,
Пролетами зари застеклено,
Водой речною и морской омыто,
На всю планету
Светится окно.

Памятник тысячелетию России

Где уносит в вечность храм Софии
Голубя литого на кресте,
В честь тысячелетия России
Встал он на гранитной высоте.

Родину свою увековечив,
Вдохновенный скульптор здесь собрал
Делегатов от веков на вече
На высокий круглый пьедестал.

Надвигались испытанья грозно.
Лязгал танками двадцатый век...
И стонал под сброшенной бронзой
Почерневший новгородский снег.

Бронзовых топтали их в бессилье,
Пятили к погрузке кузова...
Но стояла твердо мать-Россия,
Шла на помощь стольная Москва.

Гром орудий с Волхова до Шпрее
Плыл, как вечевой набатный звон.
Нет, Россию никому трофеем
На позор не увезти в полон...

Бронзовая Русь сияет снова.
Памятнику вечно здесь стоять.
Меч в ножнах у Дмитрия Донского.
Белый голубь сел на рукоять.

Родословная

Сказали зря, что я не местный,
Что краю этому не свой.

По родословной битв известно -
Я новгородский и тверской,

Московский я и волгоградский...
Под Ленинградом брат погиб.
Есть кровь моя в могиле братской,
В корнях цветущих трав и лип.

И мой отец прошел немало
Земель пылающей страны,
И в клеверах смоленских алых
Она струится с дней войны.

Прапрадед мой с полком стрелковым
Громаду Альп рассек штыком.
Мой пращур был правофланговым
В побоище на льду чудском.

И с той години род наш русский
Не уронил ни разу честь.
В земле смоленской, псковской, курской
Есть капля нашей крови, есть.

Всей родословной утверждаю:
По всей стране вокруг Кремля
Земля нигде мне не чужая,
Повсюду кровная земля.

*Дочери
Елене Мичуриной*

О, дочь-кровинка! По житейским вехам
Да будет честным твой нелегкий путь!
В невзгодах оставайся человеком
И в передрягах мужественной будь.

Взметнись костром, чтобы друзьям согреться,
Когда в неравной схватке упаду,
В последний миг швырнув гранатой сердце
В бездушье, в недоверье, в клевету.

Будь солнцем, а его не запятнают.
Я не вернусь – и нет моей вины.

Запомни, дочь, отцы не умирают,
Когда не возвращаются с войны.

Вале

То со звоном и блеском, то с грустью
Льется к синему Ильмену Мста,
От истока до самого устья,
Словно совесть людская чиста.

Полноводная с радужных ливней,
Покидая озерко Мстино,
Белоснежными чашами лилий
Пьет зари золотое вино.

Не удержишь.
Хмельная от солнца,
Камни сдвинув, через порог
Бурей к счастью она несется,
Рушит все, что встает поперек...

Так и ты пронесла свою юность
По житейским порогам крутым.
Мы любви, что пришла к нам в июне,
Никому замутить не дадим.

Шире нашей тесной комнатухи
В горжилуправлении столы.

За три года куклы да игрушки
Заселили все её углы.

За день поиграет ими каждый
Из босых дочуркиных друзей
Каждый день у нас для юных граждан -
День открытых широко дверей.

Нашумят, ковер собьют, насорят,
Со двора натащат всякий лом.
Только никогда семейным ссорам
Мы жилплощадь нашу не сдаем.

Пусть мало окошечко и дверца
Нам с тобою только по весок.
Но зато здесь близко сердце к сердцу
И у чувств высокий потолок.

Ох уж эти о бессмертье речи!..
Философской мудростью слепя,
Поучаешь,
Как увековечить
На планете самого себя.
Вечность - это не моя забота,
Потому что твердо знаю я:
Вечна только на земле работа
И сама родящая земля.
Борозда без нас пройдет веками,
Будет хлеб давать,
И вечен ты,
Если ты извечный мертвый камень
Выбросил из этой борозды.